- ПОЛИТИКА И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-17-22

РАДЫГИН Евгений Владимирович,
кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
e-mail: radyginev@mail.ru

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *Проведен теоретико-правовой анализ научных подходов к трактовке категории «информационный суверенитет» в отечественной и зарубежной литературе. Рассмотрены позиции ряда исследователей, а также доктринальные и стратегические документы. Выявлены ключевые расхождения в определении сущности, понимании элементного состава, целей и участников обеспечения информационного суверенитета. На основе систематизации существующих позиций выделено пять основных подходов к интерпретации понятия: технократический, политико-правовой, юридический, социокультурный и международно-правовой. С учётом их сильных сторон сформулировано авторское определение информационного суверенитета, интегрирующее инфраструктурный, правовой и ценностный аспекты при соблюдении баланса между государственными интересами и правами граждан. Сделан вывод о том, что информационный суверенитет одновременно выступает частью государственного суверенитета и элементом системы информационной безопасности государства.*

Ключевые слова: *информационный суверенитет, государственный суверенитет, информационная безопасность, национальная безопасность, подходы к определению.*

RADYGIN Evgeny Vladimirovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice

CONCEPT OF INFORMATION SOVEREIGNTY

Annotation. *This study provides a theoretical and legal analysis of scientific approaches to interpreting the category of "information sovereignty" in Russian and foreign literature. The positions of various researchers, as well as doctrinal and strategic documents, are examined. Key discrepancies are identified in defining the essence of the concept, understanding its structure, goals, and the actors involved in ensuring information sovereignty. Based on the systematization of existing viewpoints, five main approaches to interpreting the concept are identified: technocratic, political-legal, juridical, sociocultural, and international-legal. Capitalizing on their strengths, the author formulates a definition of information sovereignty that integrates infrastructural, legal, and value-based aspects while maintaining a balance between state interests, citizens' rights, and global stability. The study concludes that information sovereignty simultaneously acts as a component of state sovereignty and as an element of the national information security system.*

Key words: *information sovereignty, state sovereignty, information security, national security, approaches to definition.*

Введение. Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни и обострение геополитической обстановки выдвинули проблему защиты национального цифрового пространства в число приоритетных задач государственной политики. В условиях, когда информационно-коммуникационные технологии выступают базисом для функционирования критической инфраструктуры, государственного управления и реального сектора экономики, традиционная концепция

государственного суверенитета претерпевает существенную трансформацию, формируя и актуализируя новые сферы, в числе которых особое место занимает информационная.

Актуальность исследования обусловлена ростом трансграничных киберугроз, монополизацией глобального ИТ-рынка транснациональными корпорациями и использованием информационных ресурсов в качестве инструмента политического, социального и экономического давления. Для Российской Федерации, находящейся в условиях санкционных ограничений и специальной военной операции, формирование эффективной модели правового регулирования информационной сферы является критически важным фактором обеспечения национальной безопасности, что невозможно без научно-правового определения категории «информационный суверенитет».

Цель настоящей работы: на основе теоретико-правового анализа уточнить подходы к определению информационного суверенитета как политико-правовой категории.

Материалы и методы. В ходе анализа использованы позиции отечественных и зарубежных исследователей, опубликованных в открытых научных изданиях, а также нормативные правовые акты, доктринальные и стратегические документы, а также публичные выступления высших должностных лиц.

В процессе исследования и раскрытия содержания, опубликованных дефиниции, выявления их особенностей применен теоретический анализ. Формально-юридический метод использован при изучении нормативной базы и границ исследуемой категории. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить позиции различных авторов и трактовок в нормативных правовых документах. Систематизации подходов способствовало применение классификации. Использование общенаучного метода синтеза позволило сформулировать авторское определение категории «информационный суверенитет».

Результаты исследования и обсуждение. В современной правовой и политической науке продолжается дискуссия об определении информационного суверенитета. М. М. Кучерявый его определяет, как: «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве. Принципиальное значение для обеспечения информационного суверенитета имеет государственная информационная политика» [1]. Автор делает акцент на государственной информационной политике, что относит информационный суверенитет к политико-правовой категории. При этом, если условие «верховенства» государственной власти при формировании и реализации информационной политики не вызывает сомнения, то независимость требует пояснения. Государственная власть априори зависима от граждан, интересы которых она представляет и призвана обеспечивать. Следовательно, независимость в контексте информационного суверенитета должна рассматриваться через внешний контур, то есть независимость от иностранных политических акторов.

Е. Г. Зорина поддерживает позицию М. М. Кучерявого, выделила две характеристики информационного суверенитета. Первый: технический заключается в обладании отечественными программным обеспечением, ИТ-инфраструктурой и ИТ-системами. Второй Е.Г. Зорина определяет, как идеологический, включающий: «наличие официальной идеологии или национальной идеи, высокого уровня популярной массовой культуры, развитой системы пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации и т. д.» [2]. По сути, выделяя характеристики или элементы информационного суверенитета, автор переводит «верховенство» в идеологический суверенитет, а «независимость» в технический суверенитет, расширяя его границы за счет введения экономических аспектов и введения иных участников, кроме государственной власти, а именно участников экономических отношений, то есть тех, кто создает отечественное ПО и оборудование, которое с его помощью выполняет значимые информационные задачи для юридических и физических лиц. Сторонники узко технократического подхода А. Ю. Мохов и А. А. Преснякова информационный суверенитет понимают: «как состояния независимости национальной инфраструктуры компьютерных сетей от внешнего негативного воздействия, предотвращения угроз управленческим информационным сетям (порталы государственных и муниципальных услуг, ведомственные информационно-аналитические системы и т.д.) во внутреннем пространстве, защиты персональных данных» [3]. Авторами суверенитет и независимость рассматривают как синонимы, что не является обоснованным.

Е.И. Соболев разделяет точку зрения Е. Г. Зориной и рассматривает элементы информационного суверенитета в качестве его критериев, которые автор расширил следующими: созданием и распространением продукции, имеющей отличительные культурные признаки государства; активным использованием интернет-пространства для распространения в нем отвечающих интересам государства идей, правовой базой [4]. Е.И. Соболев по сути детализировал «идеологический» элемент Е. Г. Зориной, выде-

лив в нем культурную и коммуникационную составляющую. Полагаем, что расширение контура информационного суверенитета за счёт инкорпорации широких социокультурных сфер фактически смещает фокус на задачи государственного идеологического строительства. Такая трактовка сопряжена с методологическим риском подмены информационной составляющей идеологической. Подобная подмена не является обоснованной и способна привести к размыванию предметного поля категории.

Д. С. Артамонов видит более широкий набор элементов информационного суверенитета, в который вошли: цифровой или электронной (1), медийный (2), ментальный (3) и интеллектуальный суверенитеты. По мнению Д. С. Артамонова: «информационный суверенитет направлен на обеспечение безопасности государства и общества, противодействие терроризму и негативному информационному воздействию. Целями информационного суверенитета является медиалегитимация власти, установление каналов обратной связи, а также мобилизация общества на защиту реального суверенитета государства» [5]. Несмотря на то, что Д. С. Артамонов детализировал элементных состав информационного суверенитета, его позиция схожа с ранее проанализированными. Принципиальным отличием является не это, а формулировка направленности и цели информационного суверенитета. Вместе с тем, если направленность определяет его встроенность в национальную безопасность, то цели ограничиваются политико-коммуникационными аспектами. Представляется, что сведение целей информационного суверенитета исключительно к медиалегитимации власти и мобилизации общества, как предлагает Д. С. Артамонов, чрезмерно сужает и политизирует данную категорию, относя ее в область решения тактических политико-коммуникационных задач.

Н. В. Василенко под информационным суверенитетом понимает: «независимость национального государства от внешнего давления и верховенство его власти на внутреннем пространстве в формировании и осуществлении информационной политики с учетом национальных интересов» [6]. Автором через «независимость национального государства от внешнего давления» и «учет национальных интересов» информационный суверенитет содержательно рассматривается в контексте национальной безопасности. При этом Н. В. Василенко поясняет свое понимание информационного суверенитета через институциональное ограничение цифровой трансформации. Автор указывает на уровень институциональной среды, формирующей границы между суверенитетами различных государств. В данном контексте понятие привязывается к разработанным внутри государства "правилам игры" и жесткости контроля за их исполнением.

В Стратегии обеспечения информационной безопасности государств - участников Содружества Независимых Государств информационный суверенитет государств - участников СНГ рассматривается, как: «способность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере в целях соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности» [7]. Логично, что в Стратегии информационный суверенитет рассматривается через призму государства и его конституционных основ.

В Доктрине информационной безопасности РФ термин «информационный суверенитет» не используется, его заменяет «суверенитет РФ в информационном пространстве». При этом в указанном документе прослеживается доминирование международно-правового подхода. Так одной их задач в обеспечении информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства является «защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере» [8].

В практическом плане информационный суверенитет реализуется через:

локализацию данных на территории РФ, которая предусмотрена Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [9];

защиту критической информационной инфраструктуры посредством установления режима безопасности для значимых объектов, включая государственные информационные системы и инфраструктуру операторов связи [10], что закреплено Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»;

управление национальной доменной зоной и маршрутизацией, посредством создания технических и правовых механизмов обеспечению устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории РФ информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что закреплено изменениями и дополнениями внесенными Федеральным законом от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11].

Таким образом, в российской правовой си-

стеме «информационный суверенитет» проявляется как совокупность правовых режимов, обеспечивающих юрисдикцию государства над объектами критической значимости и контроль за трансграничными информационными потоками, затрагивающими интересы безопасности и прав граждан.

Политико-правовой подход к пониманию информационного суверенитет использовал Президент Белоруссии А. Лукашенко в ходе совещания с руководителями ведущих государственных СМИ, определив его, как: «право проводить собственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность» [12].

С.В. Нарутто, С.Ю. Колмаков и И.М. Япрынцев в результате проведения теоретического и правового анализа пришли к выводу о фрагментарности нормативного регулирования информационного суверенитета, которое предопределено: «отсутствием системности в осмыслении данной категории на научно-доктринальном уровне», что подвергает сомнению о сформированных конституционно-правовых основах обеспечения информационного суверенитета в РФ [13]. Таким образом, авторы подчеркивают взаимосвязь содержательной и правовой концепции в обеспечении информационного суверенитета.

Приведенные определения показывают не только отсутствие концептуального единства в понимании информационного суверенитета, но и демонстрируют размытость границ элементного наполнения, а также отсутствия единообразного понимания перечня участников его обеспечения и своего рода «выгодоприобретателей» от такого обеспечения.

В зарубежной литературе единства также не наблюдается. W. Gong отмечает усиление научного интереса к анализируемой области и использования различных терминов. Для определения информационного суверенитета автор его рассматривает как производное от государственного суверенитета и, соответственно, базируется на двух значениях суверенитета: внутреннего, базирующегося на праве государства выбирать виды, типы, наполнение «собственной политической, экономической и социальной систем»; внешнего, предполагающего «полную независимость и свободу от любого внешнего контроля». В соответствии со значениями понятия W. Gong сформулировал два определения информационного суверенитета: «… это та часть государственного суверенитета, которая связана с информацией, … информационный суверенитет должен быть высшей властью в формировании информационной политики и полномочием поддерживать информационный порядок внутри государства» [14] и «… информационный суверенитет означает полное юридическое равенство с другими государствами и свободу от любого внешнего контроля в отношении независимых прав на производство и использование информации» [14]. То есть внутреннее наполнение информационного суверенитета сводится к формированию и реализации государственной информационной политики и поддержанию порядка в информационной сфере, а внешнее предполагает юридическое закрепление свободы от внешнего контроля при производстве и использовании информации [14].

Проведенный теоретический анализ позволяет выделить пять основных подходов к интерпретации исследуемого понятия:

технократический подход, в рамках которого акцентирует сделан на государственном контроле над программным обеспечением и физической инфраструктурой (серверами, центрами обработки данных, магистральными каналами связи и национальными операторами и др.) (А. Ю. Мохов, А. А. Преснякова, Е. Г. Зорина в части технического аспекта);

политико-правовой подход – подразумевает понимание через верховенство государственной власти и национальных интересов при формировании и реализации информационной политики (М. М. Кучерявый, А. Г. Лукашенко, Н. В. Василенко, W. Gong в части внутреннего аспекта);

юридический подход – рассматривает сквозь призму исключительной юрисдикции государства, распространяющейся на персональные данные граждан и деятельность ИТ-субъектов в национальном цифровом пространстве (Стратегия СНГ в части конституционных основ);

социокультурный подход направлен на защиту ментального и идеологического пространства, включая сохранение культурных ценностей и противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию (дезинформации) (Д. С. Артамонов, Е. И. Соболев, Е. Г. Зорина в части идеологии);

международно-правовой подход направлен на закрепление юридического равенства каждого государства в производстве и использовании информации, а также предполагает наличие реальной свободы без внешнего вмешательства (W. Gong в части внешнего аспекта, Доктрина информационной безопасности РФ).

Базируясь на результатах анализа подходов, нами сформулировано авторское определение, которое, по нашему мнению, объединяет инфраструктурный, правовой и ценностный аспекты в единую систему, при этом учитывает права

граждан и не нарушает международный баланс.

Под информационным суверенитетом государства рассматриваем элемент (вид) государственного суверенитета, выражающийся в верховенстве и независимости государственной власти при формировании и реализации информационной политики, выступающим базовым условием обеспечения информационной безопасности государства. В правовом и функциональном аспектах он реализуется через установление исключительной юрисдикции в отношении национальной цифровой инфраструктуры, нормативное регулирование деятельности IT-субъектов и защиту медиакоммуникационного пространства от деструктивного внешнего воздействия в рамках конституционно установленных балансов прав граждан и интересов национальной безопасности.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показал отсутствие концептуального единства в трактовке информационного суверенитета: в научных работах и документах акцент делается на разных аспектах: от контроля над цифровой инфраструктурой до защиты ментального и идеологического пространства. Это приводит к размытости границ категории и неопределённости круга субъектов, участвующих в её обеспечении. Систематизация позиций позволила выделить пять ключевых подходов к интерпретации информационного суверенитета: технократический, политико-правовой, юридический, социокультурный и международно-правовой. Авторское определение объединяет инфраструктурный, правовой и ценностный компоненты, одновременно учитывая необходимость соблюдения конституционных прав граждан и поддержания международного баланса. Установлено, что информационный суверенитет является одновременно частью государственного суверенитета и элементом системы информационной безопасности, а его обеспечение требует комплексного подхода, сочетающего развитие технологической базы, совершенствование правового регулирования и защиту национального медиакоммуникационного пространства, что предопределяет пересечение информационного суверенитета с другими элементами (видами) государственного суверенитета и национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. – 2014. – №. 9 (69). – С. 7-14.

[2] Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – №. 3. – С. 345-348.

[3] Мохов А. Ю., Преснякова А. А. Информационная безопасность и информационный суверенитет Российской Федерации: правовые основы // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №. 4 (184). – С. 76-78.

[4] Грибин Н. П. и др. Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – №. 2. – С. 100-131.

[5] Артамонов, Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : Материалы VIII Международного Конституционного Форума, посвященного 80-летию Саратовской области, Саратов, 16 декабря 2016 года. Том Часть I. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. – С. 16-20. – EDN ZAWIMR.

[6] Василенко, Н. В. Информационный суверенитет как институциональное ограничение цифровой трансформации / Н. В. Василенко // Цифровая трансформация экономических систем: теория и практика : монография. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2022. – С. 9-33. – DOI 10.18720/IEP/2022.6/1. – EDN YGBXCU.

[7] Решение Совета глав правительств СНГ "О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств - участников Содружества Независимых Государств" (Принято в г. Москве 25.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65191#awAtrOVoIK5e5pc11 (дата обращения: 08.07.2026).

[8] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 08.07.2026).

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 # 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»./ [Электронный ресурс]. URL:https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001%2C-1&date=11.07.2026&demo=2 (дата обращения: 10.07.2026).

[10] Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=10.07.2026&demo=2/(дата обращения: 10.07.2026).

[11] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон

"Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=323815&dst=100008&date=08.07.2026&demo=2 (дата обращения: 08.07.2026).

[12] Об информационном суверенитете, вызовах и честном разговоре с людьми – Лукашенко высказался о работе госСМИ. [Электронный ресурс]. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vstretilsja-s-rukovodstvom-krupnejshih-gosudarstvennyh-smi-379176-2020/ (дата обращения: 08.07.2026).

[13] Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцев И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. – 2022. – №. 10. – С. 14-22.

[14] Gong W. Information sovereignty reviewed // Intercultural Communication Studies. – 2005. – Т. 14. – №. 1. – С. 119.

References:

[1] Kucheryavy M. M. State policy of information sovereignty of Russia in the context of the modern global world // Management consulting. – 2014. – №. 9 (69). - S. 7-14.

[2] Zorina E. G. Information sovereignty of the modern state and the main tools to ensure it // Izvestia Saratov University. New series. Sociology series. Political science. – 2017. - VOL. 17. – №. 3. - S. 345-348.

[3] Mokhov A. Yu., Presnyakova A. A. Information security and information sovereignty of the Russian Federation: legal foundations // Law and state: theory and practice. – 2020. – №. 4 (184). - S. 76-78.

[4] N.P. Gribin et al. Information sovereignty: materials of scientific discussion // Russia and the world: scientific dialogue. – 2022. – №. 2. - S. 100-131.

[5] Artamonov, D. S. Information sovereignty: theoretical aspect/D. S. Artamonov // International and national mechanisms for ensuring sovereignty: Materials of the VIII International Constitutional Forum dedicated to the 80th anniversary of the Saratov region, Saratov, December 16, 2016. Volume Part I. - Saratov: Saratov Source Publishing House, 2017. - S. 16-20. – EDN ZAWIMR.

[6] Vasilenko, N.V. Information sovereignty as an institutional limitation of digital transformation/ N.V. Vasilenko // Digital transformation of economic systems: theory and practice: monograph. - St. Petersburg: Polytech-Press, 2022. - S. 9-33. – DOI 10.18720/IEP/2022.6/1. – EDN YGBXCU.

[7] Decision of the CIS Council of Heads of Government "On the Strategy for Ensuring Information Security of the Member States of the Commonwealth of Independent States" (Adopted in Moscow 25.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65191#awAtrOVoIK5e5pc11 (дата обращения: 08.07.2026).

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (access date: 08.07.2026).

[9] Federal Law of 27.07.2006 # 152-FZ (as amended by 24.06.2025) "On Personal Data. "/[Electronic Resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001%2C-1&date=11.07.2026&demo=2 (access date: 10.07.2026).

[10] Federal Law of 26.07.2017 N 187-FZ (as amended by 07.04.2025) "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=10.07.2026&demo=2/ (access date: 10.07.2026).

[11] Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" [Electronic Resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=323815&dst=100008&date=08.07.2026&demo=2 (access date: 08.07.2026).

[12] On information sovereignty, challenges and honest conversation with people - Lukashenka spoke about the work of the state media. [Electronic resource]. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vstretilsja-s-rukovodstvom-krupnejshih-gosudarstvennyh-smi-379176-2020/ (дата обращения: 08.07.2026).

[13] Narutto S.V., Kolmakov S. Yu., Yapryntsev I.M. Information sovereignty: constitutional and legal foundations in the development of the digital state // Education and law. – 2022. – №. 10. - S. 14-22.

[14] Gong W. Information sovereignty reviewed // Intercultural Communication Studies. – 2005. - T. 14. – №. 1. - S. 119.